

Иванов Фёдор Николаевич

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ГОСУДАРСТВА В ОБЯЗАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВЫСТАВЛЯТЬ РЕКРУТОВ В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ

В статье рассмотрены особенности организации государством рекрутской повинности населения России в XVIII-XIX вв., установлено, что ключевое значение для осуществления повинности на практике имели система её раскладки и активное перераспределение рекрутчины между податными сословиями. Сделан вывод, что качественные изменения в системе раскладки рекрутской повинности заключались в постепенном переходе государства от усиления контроля над рекрутскими наборами к работе с мобилизационными ресурсами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 82-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

свойством, это всего лишь возможность. Способность к творчеству развивается в человеке в процессе трудовой деятельности, причем участие в преобразующей деятельности является непременным условием для развития творческих способностей.

По мнению С. Л. Рубинштейна, в процессе творческой деятельности у человека постепенно вырабатывается тенденция обдумывания вопроса: где и что нужно изменить, улучшить, усовершенствовать [2, с. 82]? Данная тенденция заставляет человека мобилизовывать свои знания, соотносить имеющиеся наблюдения с задачами, возникающими в творческом процессе, умозрительно представлять принципиальную схему вырисовывающейся конструкции. В результате активизируются воображение и образное мышление, что выражается в воплощении решения в чертежах, моделях и т.п. В творчестве наглядно проступают те особенности, которые обусловлены самой личностью, а также создаются определенные материальные ценности.

Следовательно, творческая деятельность выступает в качестве важного социального аспекта при формировании личности и при ее развитии. Анализ творческой деятельности в технике может служить основой для разработки различных методик формирования деятельности будущих специалистов.

Исследование показало, что творческая личность должна уметь не только видеть проблему, выбирать достойную цель, но и обладать высокой работоспособностью, осуществлять свою деятельность планомерно, владеть хорошей техникой решения творческих задач, защищать свои идеи при любых обстоятельствах.

Следовательно, главная задача процесса становления творческой личности состоит в выявлении и совершенствовании ее творческих возможностей и превращении их в устойчивые социально-ценностные творческие параметры.

Список литературы

1. Золотарева Т. А. Формирование творческого потенциала будущих специалистов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. № 1 (40). С. 140-144.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 575 с.
3. Хилл П. Наука и искусство проектирования. М.: Мир, 1973. 264 с.
4. Энгельмейер П. К. Пособие начинающим изобретателям // Энгельмейер П. К. Научное творчество. М., 1989. С. 125-144.
5. Hjelle L., Ziegler D. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications. 3rd ed. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1992. 603 p.

THE PERSONALITY'S CREATIVE CAPABILITIES IN THE PROCESS OF THE HUMAN'S ACTIVITY

Zolotareva Tat'yana Alekseevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
North-Caucasian Federal University in Stavropol
tatjazolotareva@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the process of creativity, work activity and their role in the personality formation, who must be able not only to see a problem, choose a worthy goal, but also have high capacity for work, carry out activity systematically, have good skills for solving creative problems, defend own ideas under any circumstances. When considering the creative process an attempt is made to analyze various aspects of creative activity, technical creativity in works of famous scientists.

Key words and phrases: creativity; creative capabilities; technical creativity; activity; work activity.

УДК 94(47):355.211.1“1700/1874”

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены особенности организации государством рекрутской повинности населения России в XVIII-XIX вв., установлено, что ключевое значение для осуществления повинности на практике имели система её раскладки и активное перераспределение рекрутчины между податными сословиями. Сделан вывод, что качественные изменения в системе раскладки рекрутской повинности заключались в постепенном переходе государства от усиления контроля над рекрутскими наборами к работе с мобилизационными ресурсами.

Ключевые слова и фразы: рекрутская повинность; рекрутская система комплектования; система раскладки рекрутской повинности; льготы и изъятия от рекрутчины; Российская империя.

Иванов Фёдор Николаевич, к.и.н.

Сыктывкарский государственный университет имени Пютирима Сорокина
fedor-ivanoff@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ГОСУДАРСТВА В ОБЯЗАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВЫСТАВЛЯТЬ РЕКРУТОВ В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ

Рекрутская повинность имеет давнюю традицию изучения. Исследователи обычно рассматривают рекрутчину как часть системы комплектования войск или как одну из повинностей населения либо же сосредотачиваются на анализе практики рекрутских наборов и законодательного регулирования рекрутской повинности [18].

Предлагаемая статья направлена на определение особенностей преобразования государственных военно-организационных мероприятий в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII-XIX веков.

В начале XVIII века в России в ходе петровских реформ была создана регулярная армия с соответствовавшей ей системой комплектования, основанной на рекрутской повинности, которая «состояла в установленной законодательными актами обязанности населения податных сословий ежегодно поставлять в армию и флот определенное число рекрутов» [13, с. 103]. Принципы, лежавшие в ее основе, заключались в обязательности рекрутчины для всех податных сословий, общинном характере повинности, зависимости сроков и объемов наборов от требований армии, длительном (первоначально – пожизненном) сроке службы рекрутов. Установление рекрутской системы стало прогрессивным шагом в развитии вооруженных сил [12, с. 50]. Конечно, у рекрутской системы комплектования имелись и определенные недостатки [2, с. 69]. Постепенно в осуществлении рекрутской повинности, как заметил Л. П. Богданов, начали проявляться две, по сути взаимоисключающие, тенденции, получившие особенное развитие на рубеже XVIII-XIX веков: с одной стороны, обстоятельства требовали производить восстановление людских потерь в армии в больших масштабах, с другой стороны, правительство было вынуждено учитывать интересы дворянства и других имущих слоев общества, предоставляя им освобождение и льготы от рекрутчины [3, с. 14].

В действительности указанные тенденции не являлись какой-либо странностью, присущей только рекрутской повинности. Дело в том, что проблема подготовки к войне является частью военной стратегии и находит практическое отражение в проводимой государством военной политике. Последняя конкретизируется в военной доктрине, «понимаемой как система официально принятых взглядов на использование средств вооруженного насилия в политических целях, на характер военных задач и способы их решения, на основы военного строительства. Главной и наиболее сложной проблемой, решаемой при выработке военной доктрины, является определение характера предстоящей войны и способов ее ведения. От степени приближения к ее решению зависит курс предпринимаемого в стране военного строительства, которое обнимает всю систему экономических, социально-политических и собственно военных мероприятий, осуществляемых в целях создания и развития военной мощи государства» [26, с. 23-25]. В военной науке большое внимание уделяется определению наиболее рациональной численности вооруженных сил, которая рассматривается как результат «политического решения, выработанного на основе компромисса между требуемой численностью, обоснованной задачами, поставленными перед армией политическим руководством, и возможной численностью, содержание которой обеспечивается теми объемами ресурсов, которые может выделить государство на обеспечение национальной обороны» [23, с. 8]. Другим важным параметром считается демографический фактор [25; 47; 55]. Следовательно, для государства большое значение имеет механизм преобразования военно-организационных мероприятий в обязанность населения выставлять новобранцев, который можно обозначить как систему распределения воинской обязанности. Инструментом для достижения на практике требуемого баланса между интересами вооруженных сил и нуждами развития страны служит перераспределение воинской обязанности за счет привлечения к ее исполнению граждан или их освобождения от нее.

В XVIII-XIX веках численность российских регулярных вооруженных сил неуклонно увеличивалась [2, с. 12, 16; 54, с. 14]. Штатную численность войск государство старалось поддерживать на приемлемом уровне, для чего регулярно проводило наборы в армию. В XVIII веке было проведено 72 рекрутских набора, в 1800-1874 гг. – 73 рекрутских набора, то есть они проходили практически ежегодно. С 1705 по 1874 гг. в войска было направлено 8 405 335 человек [6, с. 46; 24, с. 150]. Особенности развития вооруженных сил определяли тяжелый характер рекрутчины для населения, которое должно было не только поставлять рекрутов, но и нести сопутствующие денежные расходы [21, с. 11; 53, с. 130-131].

Государственная власть осознавала тяжесть рекрутчины и стремилась уменьшить негативные последствия воздействия этой повинности на социально-экономическое развитие страны. Поскольку рекрутская повинность оказалась единственной возможной в российских реалиях XVIII-XIX веков, государство проводило ее постепенную модернизацию. Во второй трети XIX века, по мнению А. В. Кухарука, была предпринята попытка наиболее масштабной и последовательной реформы рекрутской повинности: «Развиваясь поэтапно, начиная с Устава 1831 г. преобразования привели к фактическому введению в России конскрипционной системы, несмотря на то, что сохранилось традиционное название повинности – рекрутская» [22, с. 12]. К признакам конскрипции А. В. Кухарук относит существование общей очереди, порядок отбора по жребию, наличие подставных и возможность заместительства, уравнивание повинности для различных сословий; отступлением от системы конскрипции он считает отбывание повинности по сословию и широкие изъятия населения из призыва [Там же, с. 12-13]. Действительно, император Николай I считал конскрипцию единственно верным вариантом системы комплектования. Как он сказал в ходе беседы 14 марта 1845 г. князю А. С. Меншикову, «всякий набор счетом с 500 или другого участка душ, а также вербовкой, есть мера неправильная, и справедлива лишь одна конскрипция, обязывающая всех служить, но много препятствий существует к ее введению» [14, с. 416]. Однако тут можно видеть, что государь и после введения в действие Рекрутского устава 1831 г. и жеребьевой системы скептически оценивал перспективы полного перехода к более совершенной конскрипционной системе. Таким образом, в построениях А. В. Кухарука заметны два серьезных противоречия, требующие объяснения: первое – между разными оценками сущности и степени завершенности реформированной после 1831 г. рекрутской системы комплектования, и второе – в одновременном увеличении набора рекрутов и освобождении заметной части населения от исполнения повинности.

Рекрутская повинность действовала в условиях доиндустриального общества и господства феодальных отношений, и, соответственно, особенности ее развития определялись воздействием указанных факторов. Перераспределение повинности среди населения проводилось в XVIII-XIX веках через практику «раскладки рекрутской повинности». Вот как раскрывает суть этого понятия Рекрутский устав 1831 г.: «правилами раскладки рекрутской повинности определяются: 1) порядок образования рекрутских участков в каждом податном сословии; 2) порядок исчисления, сколько именно каждый участок по объявлении набора должен поставить рекрут натурою, или деньгами; и 3) порядок взимания рекрут из семейств в тех участках, кои отправляют рекрутскую повинность натурою» [5, с. 505]. Иными словами, раскладка рекрутской повинности представляла собой жесткую последовательность нескольких операций на трех уровнях – общегосударственном (между податными сословиями и регионами), губернском (по рекрутским участкам в каждой губернии) и местном («практическая раскладка» непосредственно в самих участках). Следовательно, система раскладки рекрутской повинности в условиях России XVIII-XIX веков являлась механизмом трансформации военно-организационных мероприятий в рекрутскую повинность податного населения.

Созданная в ходе петровских реформ система раскладки рекрутской повинности была ориентирована, в первую очередь, на удовлетворение нужд вооруженных сил: нормативы и сроки проведения наборов зависели от потребностей армии и постоянно изменялись, каждый раз формировались заново и рекрутские участки. Правительство, осознавая неудобство для населения таких порядков, в 1757 г. предприняло первую, тогда неудачную, попытку установить фиксированные размеры и сроки проведения рекрутских наборов [20, с. 532; 56]. Серьезные перемены произошли в правление Екатерины II. С 1770 г. рекрутов с податных сословий начали собирать раздельно [34], а в 1776 г. для мещан и казенных крестьян были введены участки по 500 ревизских душ мужского пола каждый. Первоначально это были временные участки, создававшиеся каждый раз заново перед набором, однако с течением времени их стали формировать только один раз после прошедшей ревизии, и они оставались неизменными до новой «народной переписи» [31; 32, с. 244; 40; 42, с. 416]. Наконец, существенно упорядочило подготовку и проведение рекрутских наборов изданное в 1775 г. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Указанные нововведения окончательно утвердились на рубеже XVIII-XIX веков. Постоянные «пятисотские» участки сохранились как единые образования, без разделения их на части, несмотря на то, что имелись проекты такого раздробления. Правда, в ходе войн, например еще в 1812 г., происходили отступления от правил, когда перед наборами создавались временные участки из меньшего числа ревизских душ. В 1799 г. правительство предприняло очередную попытку установить фиксированный размер рекрутской повинности, введя ежегодные наборы по 1 рекруту с 500 ревизских душ [33, с. 251], однако такая практика не прижилась.

Постоянные участки были введены и в селениях удельных крестьян. После 1808 г. все рекрутские дела в удельной деревне стали полностью подведомственны исключительно удельной администрации, за казенными палатами и губернаторами остались только контролирующие функции. Была также предпринята попытка изменить и взаимоотношения с помещиками в сфере рекрутской повинности. Речь о вмешательстве государства в отбор рекрутов внутри помещичьих имений по-прежнему не шла, правительство, напротив, решило предоставить «благородному сословию» больше свободы при раскладке повинности между именьями. Новый подход, по-видимому, с одной стороны, должен был заинтересовать дворянство, минимизируя неизбежные при изъятии рабочей силы потери, а с другой стороны, «разгрузить» государственный аппарат на местах за счет привлечения к работе представителей местных дворянских корпораций – уездных и губернских предводителей дворянства. Однако на практике это привело к обратному результату – затруднению раскладки повинности, путанице, накоплению большой «недоимки» и, соответственно, к большому напряжению органов местного управления. В немалой степени этому способствовали сложная система учета повинности по именьям и архаичная система временных рекрутских участков, от которых власти уже отказались в казенной деревне и у мещан [17]. Тем не менее в упорядочении рекрутской повинности у мещан, государственных и удельных крестьян в конце 70-х гг. XVIII века – первой трети XIX века был достигнут заметный успех.

Рекрутский устав 1831 г. закрепил сложившуюся схему раскладки рекрутской повинности. Система отдельных постоянных участков была модернизирована – первоначально они увеличились в размерах до 1000 ревизских душ [5], а потом, в 1838-1863 гг., для большего удобства и управляемости были в государственной деревне унифицированы с волостями. В удельной деревне первоначально также были созданы тысячные участки, но затем с 1840 г. раскладка производилась по сельским отделениям в составе удельных имений [5; 7, д. 1433, л. 232 – 233 об.; 50, д. 49, л. 23 – 23 об.]. Города стали отдельными участками, каждое помещичье поместье также было объявлено отдельным рекрутским участком [5]. Следовательно, рекрутские участки мещан, государственных и удельных крестьян были унифицированы с низовым звеном системы административно-территориального деления, также был упорядочен контроль над участками крестьян помещичьих. Все это существенно облегчало раскладку рекрутской повинности и контроль над исполнением наборов.

В 1831 г. в зависимости от возрастания норм поставки рекрутов была введена четкая градация наборов («обыкновенные», «усиленные» и «чрезвычайные») и даны разъяснения об уменьшении требований к росту и возрасту рекрутов по мере увеличения норм поставки рекрутов [5; 8, д. 88, л. 8 – 8 об., д. 90, л. 7; 36]. В 1834 г. правительство для облегчения тяжести рекрутчины для населения и снижения смертности рекрутов разделило территорию империи на две части, каждая из которых должна была поставлять рекрутов раз в два года. Первоначально это были Северная и Южная полосы [29], а с 1838 г. – Восточная и Западная [39]. Иногда правительство прибегало к практике общих рекрутских наборов «с обеих полос империи» (например,

в 1836, 1840 и 1855 гг.). То есть в 1831-1834 гг. были реализованы на практике начинания правительств Елизаветы Петровны и Павла I, хотя и в другой форме.

С возобновлением рекрутских наборов в стране после Крымской войны в 1863 г. они начали проводиться только ежегодно со всего государства. Кроме этого, после соответствующих реформ у бывших помещичьих [30] и удельных крестьян были созданы новые волости по образцу государственной деревни и новые рекрутские участки [10, д. 7752, л. 1 – 6 об.]. В-третьих, в ходе военной реформы рекрутская повинность по участкам крестьян с 1865 г. стала распределяться не по числу ревизских душ, а по числу записанных в призывные списки молодых людей 21-летнего возраста [38].

До 1831 г. определение кандидатов в новобранцы из числа жителей рекрутских участков (третий уровень раскладки) фактически не регламентировалось. На военную службу принимались все, кто представлялись отдатчиками, лишь бы будущие рекруты подходили по требованиям армии к возрасту и росту и не были бы из беглых крепостных [41]. Вплоть до конца XVIII века государство еще не стремилось определять «практическую раскладку» рекрутской повинности, поскольку для этого требовались серьезные денежные затраты. С другой стороны, практически не вмешиваясь в то, как будут выполнены требования о поставке рекрутов, государственная власть давала общинам возможность избавляться от своих нерадивых членов и, вообще, опасных лиц с девиантным поведением.

В течение XVIII века на основе традиционных представлений о «справедливости» в народе постепенно выработался «очередной порядок» отбора рекрутов. Обычай этот требовал, чтобы повинность исполняли все семейства участка без исключения по особой очереди, основанной на «уравнительности» (учете числа ревизских душ мужского пола и работников в семьях) [16, с. 84]. На первую очередь ставились семьи, в которых насчитывалось больше ревизских душ мужского пола, на последующие очереди – те, в которых ревизских душ было меньше, когда же все семейства отбывали повинность, очередь начиналась сначала [48, с. 130-139]. Дополнительным регулятором внутри очередной системы отбора рекрутов служил институт жребия [52, с. 447, 454]. Распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты проводилось самими общинами.

Здесь необходимо дополнить, что традиционные представления удерживались в сознании представителей податных сословий достаточно прочно и бытовали довольно-таки долго. Например, в том, что в Рыборецкой волости Олонецкой губернии при возобновлении в 1864 г. рекрутских наборов по правилам жеребьевой системы «большинство крестьян с дерзостью требовали призыва людей старших возрастов, начиная с 23 по 30 лет, оставляя молодых людей 21 года в запасе...» [51, д. 137, л. 9 – 9 об.], можно видеть действенность прежнего обычая. Крестьяне возмущались, что люди старших возрастов могут вовсе избежать рекрутчины, в то время как государство было заинтересовано в наборе на службу как раз именно младших возрастов.

На рубеже XVIII-XIX веков государство, испытывая потребность в комплектовании армии лучшими людьми, постепенно начало ставить под свой контроль «практическую раскладку», ограничивая самостоятельность общин [11, д. 27, л. 6 об.; 28; 37, с. 248]. Однако вплоть до 1831 г. центральные власти империи не шли дальше установления контроля над определением кандидатов в рекруты. В отличие от них губернские власти стремились определять все аспекты «практической раскладки» [19].

После издания Рекрутского устава 1831 г. у мещан и государственных крестьян учет и распределение очередей, а также определение кандидатур в рекруты проводились по законодательно утвержденным правилам «очередной системы» под жестким контролем чиновников губернской администрации. Установленные государством правила были, в первую очередь, ориентированы на более быстрый набор рекрутов с необходимыми качествами. Очередность семейств на рекрутской очереди определялась прежними их «рекрутскими послугами» и числом ревизских душ мужского пола. В 1837 г. существенным новшеством стало введение новых правил, в соответствии с которыми рекрутские очереди должны были строиться только на учете числа работников в семействах [27, д. 1298, л. 1-6].

С 1838 г. для государственных крестьян [49, с. 296], а с 1853 г. и для мещан [4] в России началось постепенное введение «жеребьевого порядка отправления рекрутской повинности». Сутью новой системы являлся отбор рекрутов из числа молодых людей определенного возраста, что было важно для начавшегося в 1834 г. формирования военно-обученного запаса [48, с. 132-133]. Все семейства рекрутского участка в зависимости от числа работников разделялись на два (с 1861 г. – три [35]) разряда. В первый попадали те из них, в которых было больше работников, а также бездомные и бессемейные «одиночки». Соответственно, во второй разряд попадали семейства с меньшим числом работников, в третий – «малорабочие». Тем самым тяжесть рекрутской повинности теперь стала располагаться более равномерно и справедливо между различными семействами, повысилась скорость и эффективность набора рекрутов, а представители податных сословий, подлежащие рекрутчине, при жеребьевой системе могли более уверенно планировать свою жизнь [52, с. 463-464]. К жребию призывали молодых людей от 21 до 35 лет не более 7 человек на одного рекрута, и в первую очередь младшие возрасты – по разрядам, начиная с первого.

После 1831 г. в удельной деревне «практическая раскладка» определялась администрацией, в принципе, по сходным с государственной деревней правилам «очередной системы». В крепостной деревне государство по-прежнему не вмешивалось в отбор рекрутов внутри имений [1, с. 292-293; 5], однако рекрутская повинность здесь уже была значительно упорядочена благодаря контролю казенных палат над раскладкой повинности по поместьям.

Теперь рассмотрим перераспределение рекрутской повинности на каждом из трех уровней раскладки рекрутской повинности. На первом, общегосударственном, уровне определялись категории податного населения,

обязанные служить, и те, которые освобождались. Рекрутская повинность была обязательной для всех податных сословий, хотя некоторые их категории получали по особым указам освобождение от исполнения рекрутчины. Такой порядок действовал на протяжении XVIII-XIX веков и неоднократно подтверждался законодательно [5; 41, с. 997; 44-46].

Распространение рекрутской повинности производилось правительством для увеличения источников комплектования армии, инкорпорации отдельных этносов в российское общество и унификации управления на всей территории империи, удаления из общества и перевоспитания «беспокойных» элементов, а также для исправления преступников, регулирования системы льгот и изъятий от исправления рекрутской повинности. Предоставление изъятий и льгот от рекрутчины позволяло комплектовать армию преимущественно элементами, наиболее интегрированными в русское общество, оставлять работников для развития окраинных и малоосвоенных территорий, освобождать лиц с профессиональными навыками и знаниями, необходимых для развития важных отраслей промышленности, сельского хозяйства, а также нужд образования и государственного управления [15].

На втором уровне раскладки рекрутской повинности производилось непосредственное наделение населения той или иной губернии установленными на первом уровне льготами и изъятиями от рекрутской повинности. Учет льгот и изъятий, как и функции по раскладке повинности, на губернском уровне осуществляли губернские казенные палаты, контрольные и распорядительные функции были прерогативой губернаторов. «Начальники губерний» имели право просить Императора о даровании тех или иных «послаблений» по исправлению рекрутской повинности для жителей вверенных им регионов или даже вовсе о замене рекрутчины денежным откупом, как это было, например, в Архангельской губернии. Впрочем, экспертные заключения о предложениях губернского начальства готовили чиновники профильного ведомства – министерства внутренних дел, которые были очень неуступчивы, стремясь не допустить нарушения принципа уравнительности рекрутской повинности по стране.

Значительные перемены произошли на третьем уровне раскладки, где для населения в дополнение к праву покупать зачетные рекрутские квитанции или нанимать вместо себя на службу «охотников» после издания Рекрутского устава 1831 г. появились законодательно учрежденные изъятия и льготы по отправлению рекрутской повинности. До этого времени при определении рекрутских очередей работниками считались все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, записанные в ревизию. Теперь из числа работников исключены умершие и лица, посланные на поселение, лица, безвестно отсутствовавшие в течение пяти лет, калеки. Впоследствии было постановлено, что лица, заменившие себя нанятыми «охотниками» или внесшие за себя рекрутские зачетные квитанции, также больше не считаются работниками [45, с. 29-30]. Были также установлены льготы и изъятия по семейному положению [5]. После издания правил 1837 г., по которым рекрутская очередь определялась числом работников в семьях, и начала внедрения «жеребьевой системы» государство стало еще более внимательно относиться к «практической раскладке» повинности. В 1830-е – 1850-е гг. был существенно расширен список лиц, исключенных из числа работников по медицинским показаниям [15; 45, с. 29-30]. В феврале 1844 г. в развитие ст. 92 Рекрутского устава мнением Государственного совета было установлено, что «при определении... первенства рекрутской очереди, принимаются в счет лета не всех работников семейства, но одних годных по возрасту к службе... имеющих от 20 до 35 лет» [9, д. 1047, л. 70].

Как можно видеть, рекрутская повинность в России в XVIII-XIX веках находилась под пристальным вниманием государства и постоянно им совершенствовалась, основные модернизационные процессы происходили в самой основе организации рекрутчины – в механизме трансформации государственных военно-организационных мероприятий в обязанность населения выставлять рекрутов – в системе раскладки (распределения) рекрутской повинности. Через указанную систему обеспечивался необходимый баланс между интересами строительства вооруженных сил и социально-экономического развития страны. Феодалный характер рекрутской повинности и принципы, на основе которых она была устроена, определили две ключевые особенности преобразования военно-организационных мероприятий в рекрутскую повинность податного населения в стране.

Первой особенностью было наличие сложной трехуровневой системы раскладки повинности: на первом, общегосударственном, производилось распределение повинности между податными сословиями и регионами, на втором, губернском, – распределение повинности по рекрутским участкам в составе губерний, и на третьем – осуществлялось распределение повинности непосредственно в самих участках («практическая раскладка»). Качественные изменения в действии системы заключались в постепенном переходе от усиления регламентации и контроля государства над сложившейся практикой рекрутских наборов к целенаправленному воздействию на нее для полноценной работы с мобилизационными ресурсами. В этом процессе можно выделить 4 этапа: 1705-1775 гг. (осуществление государством раскладки на первом и втором уровнях, наличие временных рекрутских участков), 1776-1804 гг. (осуществление государством раскладки на первом и втором уровнях, переход к постоянным рекрутским участкам), 1805-1830 гг. (осуществление государством раскладки на первом и втором уровнях, наличие постоянных рекрутских участков, переход к контролю над практической раскладкой) и 1831-1874 гг. (осуществление государством раскладки на всех трех уровнях, наличие постоянных рекрутских участков, приближенных к низовым органам управления). Наиболее существенные перемены произошли в 1831-1874 гг., когда была создана система распределения рекрутской повинности, охватывавшая все три уровня раскладки, и государство стало определять все аспекты ее функционирования и напрямую работать с мобилизационными ресурсами. Механизм раскладки рекрутской повинности был подвергнут значительной модернизации, направленной на обеспечение большей сохранности мобилизационных ресурсов и упрощение изъятия новобранцев из общин. Взяв его полностью в свои руки, государство в дальнейшем произвело изменение системы раскладки рекрутской повинности

сразу на двух уровнях (втором и третьем), введя взамен прежнего очередного порядка исправления рекрутской повинности жеребьевый. В этот же период особенно активно производилась корректировка рекрутской системы комплектования войск, это был ответ на обострение в начале XIX века противоречия между возросшей необходимостью в ресурсах для развертывания армии и интересами социально-экономического развития страны, происходившее в условиях общего кризиса феодальных отношений, размывания сословий, развития капиталистических отношений. Таким образом, период 1831-1874 гг. составляет качественно новый этап в истории рекрутчины в России, когда государственная политика в сфере рекрутской повинности была наиболее последовательной, а система распределения повинности достигла наибольшего совершенства. Нельзя не признать справедливой мысль А. В. Кухарука о стремлении правительства Николая I к улучшению системы комплектования за счет сближения рекрутской повинности с конскрипцией и внедрения возможных в реалиях России того времени некоторых её элементов в рекрутскую повинность. В то же время однозначно утверждать, что в России в 1830-1850-е годы была фактически введена конскрипция, не приходится, поскольку, во-первых, отбывание рекрутской повинности раздельно по сословиям и наличию многочисленных льгот и изъятий при длительном сроке службы нижних чинов являлись ключевыми элементами рекрутчины, и во-вторых, многие новшества вводились в России не одномерно для всех сословных групп и территорий.

Второй особенностью являлось активное перераспределение рекрутской повинности между податными сословиями за счет привлечения к ее исправлению отдельных категорий населения или их освобождения от рекрутчины. Со временем в стране постепенно оформилась сложная система льгот и изъятий от повинности, которыми была наделена значительная часть мужского податного населения страны. При их помощи решался широкий спектр задач – от комплектования армии более подходящими элементами и сохранения хозяйства налогоплательщиков до развития важных отраслей промышленности. Само же перераспределение рекрутской повинности между представителями податных сословий было инструментом для установления необходимого баланса между интересами строительства вооруженных сил и социально-экономического развития страны и производилось государством на всех трех уровнях системы раскладки рекрутской повинности, имея в каждом случае свои масштаб и специфику и конкретизируясь в конечном итоге на уровне «практической раскладки». После установления в 1831 г. государственного управления «практической раскладкой» и широкого внедрения льгот и изъятий в ее практику стало заметно усиливающееся расхождение между народным обычаем, требовавшим строгой очередности и обязательности при исправлении рекрутских наборов, и нормами писаного права, ориентированными на обеспечение государственных задач, что, несомненно, осложняло взаимодействие населения с органами управления и различные недоразумения внутри общин. С другой стороны, льготы и новые правила учета «рабочей силы» объективно способствовали снижению тяжести рекрутской повинности для населения.

Список литературы

1. **Александров В. А.** Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
2. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
3. **Богданов Л. П.** Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1981. 31 с.
4. **Высочайше утвержденные правила об учреждении рекрутского жеребьевого порядка в городах, посадах и местечках:** именной указ Сенату от 25 ноября 1853 г. № 27727 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. Собрание II. Т. XXVIII. С. 580-604.
5. **Высочайше утвержденный Устав рекрутский:** именной указ, данный Сенату от 28 июня 1831 г. № 4677 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI. С. 501-657.
6. **Гаврищук В. В.** Русская армия в XVIII веке: историографический обзор. М.: СГУ, 2003. 246 с.
7. **Государственный архив Архангельской области (ГААО).** Ф. 1. Оп. 3.
8. **ГААО.** Ф. 1. Оп. 7.
9. **Государственный архив Вологодской области (ГАВО).** Ф. 18. Оп. 1.
10. **ГАВО.** Ф. 388. Оп. 1.
11. **ГАВО.** Ф. 476. Оп. 1.
12. **Епифанов П.** К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 34-85.
13. **Епифанов П. П.** Рекрутчина // Советская военная энциклопедия: в 8-ми т. М.: Воениздат, 1979. Т. 7. С. 103-104.
14. **Зайончковский А. М.** Восточная война, 1853-1856: в 2-х т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 1. 566 с.
15. **Иванов Ф. Н.** Льготы и «изъятия» от рекрутской повинности в России в XVIII-XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 21-27.
16. **Иванов Ф. Н.** Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 3. С. 82-87.
17. **Иванов Ф. Н.** Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 115-123.
18. **Иванов Ф. Н.** Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): материалы Международной научной конференции (г. С.-Петербург, 11 декабря 2007 г.). СПб., 2008. С. 204-211.
19. **Иванов Ф. Н.** Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII-XIX вв. // Российская политика: прошлое, настоящее, будущее: сборник трудов / под ред. Г. Ф. Доброноженко, И. А. Гончарова. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 164-176.
20. **К-К.** Рекрутская повинность // Энциклопедический словарь: в 86-ти т. СПб., 1899. Т. 26. С. 530-532.
21. **Корнилов В. А.** Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2008. Вып. 1. С. 8-24.

22. **Кухарук А. В.** Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1999. 21 с.
23. **Лапунов П. М., Шаповалов И. А.** Рациональная численность Вооруженных Сил Российской Федерации. Взгляд на проблему через призму ресурсно-экономических ограничений // Военная мысль. 2009. № 2. С. 2-8.
24. **Миرونюк Б. Н.** Русский город в 1740-е – 1860-е гг. Л., 1990. 271 с.
25. **Митюков Н. В., Коробейников А. В.** Демографический фактор и количество воинских контингентов // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М. – Сыктывкар, 2007. Вып. 4. Ч. 2. С. 219-229.
26. **Михалев С. Н.** Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / вступ. ст. и ред. В. А. Золотарева. М. – Жуковский: Кучково поле, 2003. 952 с.
27. **Национальный архив Республики Коми.** Ф. 118. Оп. 1.
28. **О доставлении ведомостей в Сенат из наместнических и губернских правлений, с показанием в них: которое селение за которым должно ставить по очереди рекрута:** сенатский указ от 28 октября 1785 г. № 16279 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXII. С. 469-470.
29. **О замене общих в государстве рекрутских наборов, частными, ежегодно в одной половине государства, и о производстве в сем году первого набора в Южной полосе:** манифест от 1 августа 1834 г. № 7317 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Т. IX. С. 806-807.
30. **О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости:** высочайше утвержденное общее положение от 19 февраля 1861 г. № 36657 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. Т. XXXVI. С. 141-169.
31. **О наборе рекрут с 500 душ одного:** сенатский указ от 12 сентября 1778 г. № 14799 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX. С. 746-747.
32. **О наборе рекрут с пятисот душ одного:** именной указ от 9 сентября 1781 г. № 15223 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX.
33. **О наборе рекрут с пятисот душ по два человека:** именной указ Сенату от 9 сентября 1802 г. № 20411 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVII.
34. **О наборе рекрут со 150 душ по одному человеку:** сенатский указ от 20 июля 1770 г. № 13483 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIX. С. 87-90.
35. **О некоторых изменениях в правилах жеребьевого порядка отправления рекрутской повинности в участках государственных крестьян:** высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 6 ноября 1861 г. № 37601 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. Т. XXXVI. Отделение II. С. 446-447.
36. **О пояснении закона касательно призыва мещан к жеребью при чрезвычайных рекрутских наборах:** сенатский указ от 29 октября 1855 г. № 29767 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. Собрание II. Т. XXX. С. 639-641.
37. **О принятии бродяг в рекруты в тех губерниях, откуда они родом, и о высылке за границу представляемых в рекруты иностранных подданных:** высочайший рескрипт от 17 мая 1798 г. № 18526 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXV.
38. **О произведении в 1865 году рекрутского набора с обеих полос империи:** манифест от 23 сентября 1864 г. № 41290 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Собрание II. Т. XXXIX. С. 898-904.
39. **О разделении губерний для отправления рекрутского набора на полосы западную и восточную, и о произведении в текущем году третьего частного набора с губерний западной полосы:** манифест от 8 июля 1839 г. № 12513 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1840. Собрание II. Т. XIV. С. 608-609.
40. **О рекрутском наборе с 500 душ по одному человеку:** именной указ Сенату от 15 сентября 1777 г. № 14650 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX. С. 552-553.
41. **О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно также и о штрафах и наказаниях, кто, как в приеме, так и в отдаче неистинно поступать будет:** генеральное учреждение от 29 сентября 1766 г. № 12748 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 997-1015.
42. **О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку:** сенатский указ от 19 сентября 1776 г. № 14509 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX.
43. **Об отмене частного найма охотников, выпуске в предстоящий в 1872 году набор неограниченного числа выкупных квитанций и об увеличении размера выкупного взноса до 800 рублей:** высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 2 ноября 1871 г. № 50112 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. Собрание II. Т. XLVI. Ч. II. С. 450-451.
44. **Общий устав рекрутский // Свод законов Российской империи.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. IV. С. 3-246.
45. **Общий устав рекрутский // Свод законов Российской империи.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. IV. С. 1-495.
46. **Общий устав рекрутский // Свод уставов рекрутских.** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. С. 1-455.
47. **Пешеров Г. И.** Мобилизация войск: чему учит исторический опыт // Военная мысль. 2003. № 2. С. 69-72.
48. **Редигер А.** Комплектование и устройство вооруженной силы: в 2-х ч. СПб., 1913. Ч. 1. Комплектование армии. 263 с.
49. **Редигер А. Ф.** Рекрутская повинность // Энциклопедия военных и морских наук: в 8-ми т. СПб., 1892. Т. VI. С. 296-297.
50. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 515. Оп. 1.
51. **РГИА.** Ф. 1282. Оп. 3.
52. **Руденко В. Н.** Институт жребия в комплектовании вооруженных сил: опыт Российской империи и СССР // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2009. Вып. 9. С. 444-480.

53. Сидоренко Г. Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Киев, 1869. Ч. 1. 137 с.
54. Строков А. А. Общий курс истории военного искусства. М.: Изд-во ВПА им. В. И. Ленина, 1951. Т. 1. 662 с.
55. Федоров В. Ф., Погорелов А. В., Кобызов Д. Ю., Байборodin В. А. Проблемы подготовки и накопления мобилизационных ресурсов // Военная мысль. 2003. № 7. С. 6-15.
56. Шувалов П. И. Предложение о разделении губерний на пять частей и Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1757. 6 с.

TRANSFORMING THE STATE'S MILITARY AND ORGANIZATIONAL MEASURES INTO PUBLIC DUTY TO PROVIDE RECRUITS IN RUSSIA OF THE XVIII-XIX CENTURIES

Ivanov Fedor Nikolaevich, Ph. D. in History
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
fedor-ivanoff@mail.ru

The article examines the peculiarities of organizing recruiting duty of the population in Russia in the XVIII-XIX centuries. The author identifies the key factors influencing the duty implementation: its distribution system and intensive re-distribution of recruiting duty between tax-paying classes. The paper concludes that qualitative changes in the recruiting duty distribution system involved gradual transition of the state from strict control over recruiting process to work with mobilization resources.

Key words and phrases: recruiting duty; recruiting acquisition system; system to distribute recruiting duty; privileges and dispensations from recruiting duty; The Russian Empire.

УДК 781

Искусствоведение

В статье рассматриваются системообразующие свойства художественного результата в музыкально-исполнительской деятельности. Художественное содержание воплощается через систему выразительных средств, которые выполняют свою функцию с помощью исполнительских навыков. Таким образом, при решении художественных задач совершенствуются и инструментальные навыки, и навыки мышления, что приводит к взаимодействию всех элементов структуры профессиональной деятельности в целостном процессе художественного творчества.

Ключевые слова и фразы: музыкальное исполнительство; художественное содержание; исполнительские навыки; системный подход; аналитический подход; профессиональная деятельность; творчество; художественное воспитание; системообразующий фактор.

Ивонина Людмила Фёдоровна, доцент
Пермский государственный институт культуры
ivoninaluda@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Профессиональная деятельность музыканта-исполнителя, на первый взгляд, лишена определённой научной базы, так как сам факт соприкосновения искусства и науки как будто бы составляет некое противоречие. Поиски в этом направлении ведутся непрерывно и, безусловно, имеют свой успех, тем не менее не теряет своей актуальности и проблема, озвученная ровно 100 лет тому назад: «Как удвоить на протяжении двух тактов темп данного отрывка, сохранив неприкосновенность впечатления от его основной ритмической единицы? Как соразмерить *ritardando* и *crescendo* в приближении к *maestoso*? Чисто-интуитивное разрешение всех этих задач совершенно несправедливо взвалено на плечи исполнителей – в итоге почти полная практическая неразрешимость их в камерном ансамбле... Так было – так будет, доколе одна “интуиция” в почете у творцов и исполнителей» [1].

По прошествии ста лет с тех пор, как теоретик музыки А. М. Авраамов высказался против интуиции как универсального метода, в исполнительстве накопилось, пожалуй, больше вопросов, нежели за это время удалось разрешить.

Несмотря на постоянный поиск путей преодоления кризиса инструментальной методологии, до сих пор не решённым остаётся главный, на наш взгляд, вопрос: как инструментальное мастерство переходит на уровень художественного мышления? Где заканчивается ремесло и начинается искусство? Именно этот вопрос в большинстве случаев решается интуитивным путём.

Понимание деятельности музыканта как процесса создания художественных концепций [2, с. 73] воспринимается нами как аксиома. Более того, многим кажется, что в музыке «уже содержится» художественное содержание, и ничего не нужно добавлять. Парадоксальность ситуации состоит в том, что музыка, являясь искусством в высшей степени эмоциональным, аффективным, способным очень сильно и глубоко воздействовать